

Публикуется впервые

Ал. Алтаев

История Глеба Бокия

Вступительная заметка, публикация М.А. Кузьменко
Комментарий А.В. Филимонова

Имя Маргариты Владимировны Ямшиковой (литературный псевдоним Ал. Алтаев, 1872-1959 гг.) тесно связано с Псковской землей.

Ее отец, Владимир Дмитриевич Рокотов, видный общественный деятель русской театральной провинции, в молодости был предводителем дворянства Великолукского уезда. Сама она 13-летней девочкой трудилась переписчицей ролей для актеров псковской театральной труппы, пригласившей в 1885 г. В.Д. Рокотова режиссером на сезон. В своих мемуарах «У стен театра» она напишет: «Отец - пскович, значит, и я псковичка, недаром же меня так тянет к этим старым мшистым стенам, к гулким колоколам звонниц, к великому собору с железными скобами, к древним водам реки Великой...»

Не Новочеркасск, где провела столько детских лет, не могучая Волга, даже не прекрасный Киев, где я родилась, не моя родина, нет. Моя настоящая родина, родина души на севере, в старой Псковщине, с ее мхом, вереском, брусничными кочками и золотой морошкой на бесконечных просторах чистого мха».

Родиной души с полным правом могут быть названы места Гдовского уезда (теперешний Плюсский район, селение Лог, где находится мемориальный музей Ал. Алтаева),

куда писательница приезжала почти каждое лето, начиная с 1895 г. Уже в 1901 г. вышла в свет ее повесть «От земли», посвященная крестьянским детям, в которой нашли отражение наблюдения Маргариты Владимировны над жизнью и бытом псковских деревень Межник и Заянье. В документальном рассказе «Как напасть на логово зверя» писательница расскажет о приезде на Гдовщину в трудное время гражданской войны - в 1920 г. Замечательные мемуары Ал. Алтаева «Памятные встречи», выдержавшие четыре издания, включают воспоминания, связанные с Псковщиной, а предисловие к книге, изданной в 1957 г., написано в Логу. Незавершенная работа писательницы «Гдовщина» полностью посвящена Псковской земле (главы из «Гдовщины» публиковались в газете «Псковская правда», журналах «Русская провинция» и «Псков»).

В предлагаемых воспоминаниях Ал. Алтаева «История Глеба Бокия» мы также найдем упоминания о псковской деревне, но они интересны прежде всего другим - портретом главного героя, загадочной личности - Глеба Ивановича Бокия (1879-1937 гг.), о котором М. Горький сказал: «Человек из породы революционеров-большевиков, старого, несокрушимого закала».

«Большая советская энциклопедия» дает о нем довольно пространную статью, отмечая его заслуги перед революцией: Г.И. Бокий - профессиональный революционер, соратник Ленина, друг Горького, заместитель Урицкого и Дзержинского, начальник особого отдела Восточного, затем Туркестанского фронтов, репрессирован в

Кузьменко Мария Александровна – ст. научный сотрудник Псковского музея-заповедника
Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского педагогического института

1937 г., реабилитирован в 1955 г. Несмотря на столь богатую революционную биографию, о нем в годы Советской власти писалось нечасто, видимо, потому, что точку поставил 1937 год. Горьковскому определению Бокия соответствует очерк В. Брычкиной в книге «Герои Октября» (М.-Л., 1967) и книга Т. Алексеевой и Н. Матвеева «Доверено защищать революцию: о Г.И. Бокии» (М., 1987). Изданные после реабилитации Г. Бокия, эти работы тем не менее не касаются последних лет его жизни и трагической гибели.

В 1993 г. журнал «Русская провинция» опубликовал несколько глав из романа русской эмигрантки Марии Абазы «Тучка золотая», прообразом главного героя которого является Г.И. Бокий, друг детства писательницы (в 1995 г. роман был издан в России в г. Гатчина). Роман этот вызывает к герою больше доверия, нежели указанные выше работы, так как написан свидетельницей событий по живым впечатлениям от 1918-1919 гг. Несмотря на то, что революция поставила героя романа и автора по разные стороны баррикад и разъединила их, несмотря на любовь, навсегда, для автора герой - личность громадная, сложная, непонятная преданностью делу, которое называется революцией.

Воспоминания Маргариты Владимировны о Г.И. Бокии привлекают еще большей достоверностью, так как пишутся человеком, знавшем дело Бокия изнутри, в какой-то степени ему сопричастным. Они пишутся в московской гостинице «Метрополь», ставшей в 1918 г. вторым Домом Советов и в которой Маргарита Владимировна поселилась, переехав вместе с правительством из Петрограда в Москву, как сотрудница большевистских газет «Солдатская правда» и «Беднота», и прожила там, по точному определению А.М. Борщаговского, «заложницей» почти 40 лет, до 1958 г. Написаны воспоминания в 1956 г., сразу после реабилитации Г.И. Бокия, и никогда еще не публиковались.

В данном номере воспоминания публикуются по машинописной копии, хранящейся в Древлехранилище Псковского музея-заповедника (ф. Ал. Алтаева, № 14141 (177).
М.А. Кузьменко

Ал. Алтаев

История Глеба Бокия¹

1. Старый студент

О нем много говорили в Петербургском горном институте, в среде студенчества, о Глебе Ивановиче Бокии. Это был старый студент, много лет проведший в институте, сидевший в тюрьме за «большевистские идеи» и побывавший в ссылке в Сибири. Это-то и заставило его затянуть студенческие годы.

Старый студент прославился своей выдержкой и «специальностью» - чутьем находить шпиков. Розыски их как на улице, так и в стенах института изумляли его друзей. Глядя на этого молодежавого человека, с виду почти мальчика, трудно было поверить в его опытность, в знание человеческой психологии, в умение «по запаху» определять значительность агентов охраны. Он пользовался уважением товарищей за глубокое знание марксистского учения.

Он показался мне совсем еще мальчиком, когда впервые пришел ко мне на квартиру после обструкции, учиненной студентами с целью сорвать экзамены в Горном институте. Я сначала и обращалась с ним покровительственно-жалостливо, как с заморышем, о питании которого некому позаботиться, - он был таким худеньким, молчаливым, скромным. Мое обращение с ним вызвало смех многих товарищей; они меня стали дразнить:

- Нашла кого пригреть, - скунса самого ядовитого!

«Скунсом» еще долго звали у меня в доме юношу Бокия за то, что он, будучи во главе студентов-забастовщиков, явился на экзамен, чтобы разлить в аудитории нестерпимо вонючую жидкость - меркантан. Студенты-карьеристы, пришедшие экзаменоваться, разбежались.

Постепенно Глеб Бокий стал раскрываться передо мною во всех своих достоинствах и недостатках, известных уже среди товарищества.

Он был очень дружен с тихим, задумчивым и сердечным студентом Мироновым. Саша Миронов казался тенью Глеба Бокия, он подчинялся ему во всем, был беззаветно к нему привязан. Спустя много лет, незадолго

до своей вечной разлуки с Глебом, вспоминая о друге и воскрешая в памяти детские годы, когда они сидели на одной парте в Реальном училище южного города Изюма, он говорил:

- Глеб был очень властный, властный и жестокий. Ненавидя учителей-реакционеров, он им устраивал разные каверзы, был заводиловкой в устройстве «бенефисов» этим учителям. Как-то вымазал кафедру клеем, - да разве припомнишь все его злые мальчишеские шалости? Но зато этот озорник был несокрушимой скалой, когда его допрашивали, и горой стоял за товарищество... Он первый притацит, бывало, в училище запрещенные книги, первый выскажет инспектору и учителю недовольство класса каким-нибудь распоряжением начальства, первый скажет дерзость, смелую, за которую рискует карцером или исключением. Блестящие способности вывезли его; он благополучно кончил курс училища, и мы вместе с ним поступили в Горный институт.

Для меня не совсем ясно, как это в институте Саша Миронов и Глеб были на одном курсе: ведь Глеб Бокий неоднократно подвергался арестам и ссылке, а о репрессиях, применяемых к Саше Миронову, я никогда не слышала. Он долго, этот «аякс Бокия», был отголоском последнего, долго был под его деспотическим порою влиянием и, женившись спустя много лет, назвал своего первенца Глебом, в честь друга. Горячо, с восторгом, рисовал он особые качества Глеба в разоблачении шпииков:

- Он этим славился на весь институт. Положим, не так уж трудно узнать птицу по полету: многие у нас их сразу распознавали на улице. Но что делали Глеб и товарищ его студент Матвеев. Увидят шпиика, идущего сзади, и быстро остановятся, давая ему пройти вперед, и тут уже сами идут за ним по пятам, да так близко к нему, что начинают нарочито наступать ему на пятки, до того, что снимаются калоши и шпиик спотыкается, - ну, он и отстанет... Глеб достиг в этой области виртуозности: он избавил студентов от шпиика внутреннего - знаменитого Пономарева.

- Тоже наступал на пятки?

Миронов смеялся:

- Нет, он его высмотрел внутри здания, проследил поведение во время сходок, в общении с товарищами, в речах с ярким свободомыслием, в том, как, после сближения Пономарева с тем или другим товарищем, бывали их аресты и, наконец, подсмотрел, как он, переодетый в партикулярную одежду, шмыгал к Цепному мосту.

«Цепным мостом» Миронов называл Охранное отделение, где на Фонтанке собирались все агенты Тайной полиции. Издавна ходили по рукам стихи об этом «милом» учреждении:

У Цепного моста видел я потеху:

Черт, держась за пузо, помирал от смеху,

«Батюшки... нет мочи... - говорил лукавый, -

В Третьем отделении изучают право?!

Право на бесправье?! Этак скоро, братцы,

Мне за богословье надо приниматься!»

Он подробно рассказывал, как Бокий, шаг за шагом, выслеживал шпиона Пономарева и, наконец, на сходке добился вынесения приговора Пономареву об исключении его из института.

- Не помню точно, был ли Пономарев исключен Советом профессоров или же должен был, под давлением приговора товарищей, добровольно покинуть Горный. Впоследствии при обысках у студентов не раз с полицейскими присутствовал и Пономарев, помогавший арестовывать своих прежних товарищей.

С каждым днем положение Бокия в институте все больше упрочивалось; авторитет его среди товарищества неизменно возрастал. За плечами, помимо разоблачения шпииков, были тюрьма и ссылка. Вместе с тем «маленький скунс» рос, вытягивался и превратился в высокого красивого парубка; парубка - я говорю потому, что он по происхождению украинец и в пору студенчества любил являться на вечеринки в землячестве одетым в смушковую шапку и серую свитку, из-под которой выглядывала искусно расшитая руками друживших с ним курсисток рубашка и красный с пестрыми концами кушак.

2. Секретарь П.К.

Тревоги, волнения, мечты и неудачи Горного института кончились; бывшие студенты стали инженерами. Пережили временное исключение из-за ноябрьской забастовки 1904-го года; пережили 9-е января, когда был убит у Зимнего дворца шедший с рабочими Лурье, один из наиболее радикальных студентов. Брожения среди рабочих и передовой части интеллигенции усиливались. Устраивались банкеты, маскарадные вечера, сборы с которых шли на поддержку политических организаций, на помощь заключенным и ссыльным. Эти вечера обыкновенно посещались людьми, принадлежавшими к передовой интеллигенции. Их любили художники, писатели, учащаяся молодежь.

...Прошли годы. Остались позади события первой русской революции. Третий год продолжалась первая мировая война. Снова, как и двенадцать лет назад, народ открыто проявляет свое возмущение политикой царизма. И теперь оппозиционные настроения среди интеллигенции проявляются, в частности, в организации вечеров и банкетов, подобных тем, какие я знала в пятом году.

На одном из таких вечеров, в студии художника Бернштама, я встретила с Глебом Ивановичем Бокием, связь с которым у меня была потеряна. Он далек был от мысли, что может встретить меня в таком шумном, веселом месте, - он не знал о моей близости к миру художников и долго меня не узнавал под маской. Потом у нас обоих явилось желание возобновить знакомство, вспомнить старое время, связанное с милой студенческой средой.

Дело было в феврале 1917 года, на масленице.

В первое же посещение он в разговоре нарисовал свой новый, уже установившийся определенный образ. Это был теперь не прежний задорный мальчик, а отец двух девочек, женатый на дочери известной политической ссыльной, встреченной им в Сибири, Софье Александровне Доллер, красивой, живой, тяготеющей к эсерству курсистке. Чем он занимался? Где служил? Это была не гео-

логическая работа и не работа в каменноугольном районе. Он не был причислен к Геологическому комитету, как многие горняки, ставшие чиновниками. Бокий побывал в отдаленных районах Казахстана и Сибири, где находчивость и упрямство в достижении цели проявились у него в практической работе. Увлекаясь археологией, он, на свой страх и риск, на сколоченные им самим деньги, затеял экспедицию по отысканию трона Чингисхана. Любовь к раскопкам впоследствии, много лет спустя, заставила его принять участие в большой экспедиции в районе Ташкента. Разрывая Кунигутскую пещеру, он обнаружил огромный камень с таинственными записями древних племен. Что нашел он, отыскивая трон Чингисхана, - не знаю.

Помню еще один его рассказ. Во время своей студенческой практики он попал в Киргизские степи как раз тогда, когда там вспыхнуло восстание местного населения, возмущенного тем, что царские власти вторгаются в их быт и мешают их свободному кочевью. Бокий с маленькой группкой русских геологов был встречен враждебно. Население приняло их за представителей власти. Надо было принять срочные меры для спасения геологической партии. Находчивость и на этот раз пришла на помощь. Встретив большую отару овец, Бокий устроил что-то вроде знамени и смело двинулся вперед, возвестив о себе несколькими ружейными выстрелами. Испуганные овцы заматались, поднялась ужасная пыль, а за клубами этой пыли воображению кочевников представился большой карательный отряд, направляющийся прямо на них. Таким образом рассеяв собравшихся киргизов, Глебу Ивановичу удалось спасти жизнь нескольких товарищей.

Находчивость неизменно помогала ему в работе. Он рассказывал о том, как был отправлен Геологическим комитетом на алмазное бурение, не имея понятия о нем.

- Как же удалось в таком случае управлять рабочими, взятыми в экспедицию?

Он спокойно, с манерою несколько небрежно-ленивою, свойственной украинцам, отвечал:

- А просто. Я сказал рабочим: «Ну-ка, начинайте, я посмотрю, так ли вы работаете». Они работали, а я смотрел и наводил критику, а наводя критику, сам учился. Вот и все.

Меня интересовало, где он работает теперь, и я с изумлением услышала, что он - секретарь Петроградского комитета партии большевиков, помещающегося во дворце Кшесинской.²

...Он бывал у меня часто. Мы как-то быстро и тесно сдружились в эти тревожные дни. Много раз по телефону он отдавал распоряжения в редакцию большевистской газеты «Правда», сообщая все, что касалось Петроградского комитета.

Раз я высказала ему, что мне не нравится выпренный, ходульно-лозунговый тон газеты «Правда»:

- По-моему, надо все проще, а то...

- А то?

- Получается неприятный крикливый тон.

Глеб усмехнулся.

- Может быть, тут есть зерно правды, но есть и объяснение: в «Правде» мало сотрудников, владеющих пером. Пишется все наспех и не столько обращается внимания на форму, сколько на суть, на направление.

- Агитация должна быть тоньше.

- Ах, хорошо, что заговорили о «Правде», - мне как раз надо туда позвонить.

И пошел к телефону.

...Глеб сказал мне о выступлениях приехавшего недавно Владимира Ильича Ленина. Я спросила, нельзя ли мне послушать Ленина.

- Конечно, можно. Я тебе это устрою.

В книге «Памятные встречи» я подробно описала впечатление от двух митингов, на которых я слышала впервые Ленина: в Морском корпусе и на Путиловском заводе. Выступления Владимира Ильича потрясли меня. Правда, которую я услышала, повернула мою жизнь на новые рельсы.

Как-то Бокий меня спросил:

- Тебе понравились речи Ильича: ты видела в них правду. Хочешь нам помочь? Хочешь? Ну, так приходи.

И он назвал день и час, когда мне явиться во дворец Кшесинской.

- Приду ровно в пять.

Он был немногословен, говорил коротко и ясно. Я спросила его:

- Чем я могу быть вам полезна?

- Пером. Ты вот критиковала, и правильно, язык «Правды». У нас, кроме «Правды», есть еще газеты для массового читателя. Ты можешь нам своим литературным языком. У тебя же писательский опыт...

...Вот он, дворец Кшесинской, облицованный эмалированными глянцевитыми кирпичиками, какие мы привыкли видеть на молочных лавках Чичкина. Мраморная лестница с пятнами от пролитого чернила. Я вхожу в большую комнату со столами, заваленными папками. На одном из столов, в стороне, таз с водой; две женщины моют типографский шрифт. За другим столом Глеб что-то записывает в книгу, разговаривая с человеком, по виду рабочим. Как я потом узнала, Бокий выписывал ему партийный билет. Женщины у таза оказались: одна - жена старого большевика Нина Августовна Подвойская, сама тоже член партии, молчаливая, деловая и в то же время приветливая той простой приветливостью, которая встречается у некоторых школьных учительниц, а другая - молчаливая курсистка, имя которой я забыла.

Отрываясь от стола, Глеб коротко говорит:

- Ровно в пять - не опоздала. Минуту подожди. Сейчас пойдем.

Поднимаю глаза на стену за письменным столом и читаю объявление: «Рукопожатия отменяются. За неисполнение - штраф».

Я вижу, что входящие люди, здороваясь, не подают друг другу руки, говорят коротко и уходят тоже без рукопожатий.

Наконец, Глеб отрывается от текущих дел и ведет меня в комнату Военной организации большевиков, к Николаю Ильичу Подвойскому,³ горячему пропагандисту ленинских идей. Я была рада встретиться с этим симпатичным человеком, но его не оказалось на месте, и пришлось вести переговоры с его

заместителем, молодым человеком, худеньким и маленьким блондином, назвавшимся Мехоношиным.

Глеб рекомендовал меня как писательницу и ушел, а Мехоношин дал мне пачку писем, написанных неумелыми руками, крупными каракульками малограмотных людей, сказав:

- Это письма для нашей газеты «Солдатская правда». Их нужно выправить для печати, сохранив, конечно, суть и стараясь не испортить обработкой язык и характер писем. Чем скорее вы сделаете, тем лучше.

И все. Я ушла и больше в этот день Глеба не видела.

...Не буду останавливаться на своей горячей работе над этими простыми по форме, искренними письмами, которые наполнили меня гордостью и радостью, что я могу хоть немного помочь делу Владимира Ильича Ленина.

Глеб виделся со мною, как только позволяло время, и рассказывал о разных деталях того, что происходило во дворце Кшесинской и вокруг него. С обычной едкой насмешкой рассказывал он мне, что прежний вожак революционного студенчества, горняк, известный оратор, бывший делегатом на съезде в Стокгольме, был у него в Петроградском комитете и ушел, не пожелав вступить в партию.

- Почему? - спрашиваю с удивлением.

Спокойно, холодно звучит ответ:

- У горного инженера не стало того аппетита к политике, какой был у студента.

...Через короткое время Глеб предложил мне побывать на интересном судебном разбирательстве: балерина Кшесинская, возлюбленная Николая II, подала в суд на большевиков, требуя возвращения своего дворца и возмещения убытков. Дело меня заинтересовало.

- А ты пойдешь, Глеб?

Он усмехнулся:

- Я уже ее видел. На сцене Мариинки она интереснее. Пойдет Сергей Богдатыев⁴ с женою, - у него язык двигается лучше, чем у меня.

Я пошла в суд, на Петроградскую сторону, где разбиралось это дело.

Камера мирового судьи полна народа. Многим интересно взглянуть на царскую фаворитку. Слышатся перешептыванья:

- Как вы думаете, удастся ли ей отвоевать свой дворец?

- Не думаю. Не то время, когда всеильны царские самодержанки.

- Ну, да, царь-то теперь просто Николай Александрович Романов.

- А все-таки собственница, а большевики узурпаторы. Ведь собственность при Временном правительстве не отменена...

- Не очень-то гладит Временное правительство большевиков...

- Тс! Вот она, смотрите!

Входит маленькая, невзрачная женщина, вся в черном, очень скромно и даже как будто модно одетая.

- Смотри, смотри, как оделась, точно монашенка...

- Надо же надеть соответствующую маску.

Скоро я удивляюсь: как эта маленькая и скромная на вид женщина не вяжется с безвкусной крикливостью и мещанством ее дворца. Ведь в нем всего одна комната - зала с несколькими роялями говорит об ее принадлежности к миру искусства. Анфилада бесчисленных комнат с пуфиками, крытыми пестрым кретоном, с бамбуковыми ширмочками и рамочками с полочками на стенах, откуда смотрели пошлые открытки, - все это было скорее к лицу кокетке низшего полета, чем первоклассной артистке. Лицо некрасивое и невыразительное.

Она говорила бестолково, твердила, что дворец принадлежит ей, что он выстроен на ее трудовые деньги... Это утверждение вызвало в публике смех. Потом она заговорила, что у нее есть ребенок, сын.

Опять смех и шепот:

- Не хочет ли она произвести его в наследники российской короны? Тут выступил Сергей Богдатыев. Я видела его в первый раз. Среди большевиков он в то время играл большую роль. Богдатыеву удалось доказать суду, что претензии Кшесинской неосновательны. Жена Богдатыева с решительным видом и решительной речью поддержала мужа. Кшесинская была побеждена. Ее требование суд не удовлетворил.

Вечером пришел ко мне Глеб и сказал со спокойной гордостью:

- Иначе и быть не могло. Неужели ты могла думать, что суд примет другое решение?

3. В работе

Работа по редактированию писем для «Солдатской правды» захватила меня. Непрерывным потоком шли письма от людей, искавших правду, ждущих ответа на волнующие вопросы. Работа была тяжелая, напряженная, она довела меня до полного изнеможения. У меня стала неметь рука, и я уже не могла держать перо. Пришлось уехать в псковскую деревню, где я бывала каждое лето.

Прекратились и мои сношения с Глебом Бокием: писать он не любил. О большевиках я знала только из газет Временного правительства, а слухи, разносимые этими газетами, были мало достоверными. Из этих газет я узнала об июльских событиях и последовавших за ними репрессиях. Жена В.Д. Бонч-Бруевича, моя большая приятельница, писала мне из Петрограда об этих событиях довольно туманно, призывая не верить официальным газетным сообщениям о разгроме большевистской партии, и убеждала в том, что настоящая борьба еще впереди, что связь большевиков с массами расширяется и укрепляется.

А газеты со слухами «очевидцев» продолжали говорить о полном разгроме большевиков, о том, что во дворце Кшесинской их сменили другие «узурпаторы» - анархисты. О них не уставали рассказывать анекдоты приезжавшие в деревню.

Где Глеб Бокий? Что он теперь делает? Может быть, уже арестован?

В сентябре еду в Петроград. На квартире меня ждет письмо Глеба. По телефону вызываю его. Он приходит и говорит, как о деле решенном:

- Ты будешь у нас работать снова.

- Я? Где? Ведь вас же разгромили во дворце Кшесинской?

- Разве в Петрограде можно работать только во дворце Кшесинской? Будешь работать на Литейном, где помещается наша

Военная организация. Я уже обещал за тебя Подвойскому. Он мне за тебя в помощницы дает свою жену Нину Августовну, с которой я привык работать.

Немного смущенно возражаю ему:

- Я - с радостью, но мне не придется отдавать вам столько времени, как весною. Я должна искать работы. С издательствами, ты знаешь, плохо: они сокращаются и, боюсь, не закрылись бы...

- Вот и хорошо: вы будете служить у нас и получать жалованье. Ты думаешь, что я работаю бесплатно? А на что бы я с семьей жил? Ты будешь секретарем «Солдатской правды».⁵

...Я стала секретарем «Солдатской правды» и перенесла сначала много волнений и страха. Ведь я никогда не работала в газетах, да еще секретарем. С Глебом я не виделась почти месяц, до самого Октябрьского переворота, накануне которого меня с архивом газет «Солдатская правда» и «Деревенская беднота»⁶ перевезли в Смольный. Не знаю даже, где в течение этого месяца помещался Петроградский комитет партии.

Очевидно, работы у Глеба хватало. Она так измотала его, что от него осталась лишь тень. Он как-то весь стаял, и на бледном лице со впалыми щеками лихорадочно горели ставшие неестественно огромными черные «южные» глаза.

Я видела его мимоходом то в коридоре Смольного, то в вестибюле. Несколько раз он заходил к нам в комнату, где столик мой стоял рядом со столиком Марии Ильиничны Ульяновой, секретаря «Правды». Приходил он по делу, а мне хотелось поговорить с ним «по душам» и о той же работе, и о видах на будущее, и об отношениях с товарищами. Вопросов набралось немало. И вот раз, когда его долго не было, я спустилась в нижний этаж Смольного, где в то время помещался Петроградский комитет большевистской партии.

Мне никогда не забыть той картины, которая предстала перед моими глазами. Тесная комната была завалена газетами, в ней не оказалось и намека на аккуратность, неукоснительно поддерживавшуюся Глебом во дворце Кшесинской. Народу набилась

полная комната. Беспреданно двигались взад и вперед солдаты за мандатами, приходили и рабочие, и все куда-то торопились.

Я спросила Глеба Ивановича.

Его заместитель указал на угол. Там, к своему удивлению, я увидела на каких-то досках от ящика распростертое тело Глеба. Лицо было небритое, бледное до прозрачности, глаза крепко зажмурены. Он спал мертвым сном. Я поняла все и ушла, не проронив ни слова...

Работа кипела. Для чего-то Петроградский комитет партии был переведен в особняк на Литейный, и мы с Глебом перестали видаться. Помню, как-то раз я встретила его у здания Городской Думы и отдала ключ от моей квартиры - пусть приходит, когда у него будет время, не предупреждая.

А время шло. Перед съездом представителей от фронтовых частей он зашел к нам в редакцию и, узнав, что я буду записывать, не зная стенографии, речь Ильича, покачал головою:

- Делать нечего, если саботируют стенографистки, только боюсь, что перепишешь через пень в колоду. Знаю я, как трудно записать Ильича, а перевернуть, ох, перевернуть... Ну, да что поделаешь!

И как же он был доволен, когда Ленин похвалил мою запись...

...Наступила зима восемнадцатого года. В это время он очень волновался, Глеб. На фронте было беспокойно. Немцы подвигались к Пскову, а в партии шли горячие дебаты. Готовилось нечто новое: заключение сепаратного мира с Германией. Некоторая часть партийцев, к которой примыкал и Бокий, была против этого; большая же часть, во главе с Владимиром Ильичом, - за.

Когда немцы взяли Псков и продвигались к Петрограду, возникла необходимость переезда правительства в Москву, вместе с тем, в самом начале марта пошли слухи о заключении сепаратного мира и о том, что многие видные работники Смольного в Москву не поедут, а останутся работать в Петрограде. Среди них был и Бокий.

Сепаратный мир возмущал его. Когда появилась о нем передовица, он спросил меня:

- Тебе понравилась эта статья?

И, не ожидая ответа, снова:

- И ты поедешь в Москву?

Я сказала, что поеду. Мы с ним даже не простились, так как отъезд наш из Петрограда произошел неожиданно ночью. Невыносимо было расставаться с любимым городом; тяжесть лежала на душе и оттого, что не сказала прощальных слов моему другу Глебу.

4. В Петрокоммуне

В отставной столице, превращенной в Петрокоммуну,⁷ Бокий встал в защиту революции и был назначен заместителем Урицкого⁸ в ЧЕКА.

Когда эта весть дошла до меня в Москву, я не удивилась и обрадовалась. К органам ЧЕКА в то время мы, работники Военной организации, относились с большим уважением. Мы видели в них подлинных хранителей завоеваний Октября, защитников справедливости и порядка, освященного дорогим для нас именем Ленина. Мы не испытывали к ЧЕКА ни малейшего страха, ничего от ЧЕКА не скрывали в личной жизни и верили, что в этой организации найдем опору и защиту от неправды. Я никогда не скрывала своего дворянского происхождения, считая, что нечего его стыдиться, так как ни мои родители, ни дед, декабрист, не запятнали себя ничем порочающим. В анкетах я писала, что мать моя - рожденная Толстая, а отец из дворян, актер русской драмы.

В справедливости действий ЧЕКА я неоднократно убеждалась, когда обращалась туда с просьбами: то позволить вернуться из-за границы русским эмигрантам, то освободить ошибочно арестованных, ставших впоследствии полезными гражданами, преданными советской Родине. Я обратилась в ЧЕКА с просьбой спасти архив в бывшем имении моего двоюродного брата Толстого, где находились письма декабристов и Бакунина. К сожалению, эти ценные документы не удалось спасти, как и картины и портреты из старой картинной галереи. Впоследствии я узнала, что все это было уничтожено самочинно, по невежеству, местными крестьянами.

В то время в Петрокоммуне у Глеба Бокия был помощник Ефим Иванович Кривобоков, на обязанности которого лежал контроль за правильным расследованием дел арестованных. Такие работники выбирались с большой осмотрительностью, с гарантией честности и прозорливости. Кривобоков в полной мере обладал этими качествами. Это был кристально чистый, чуткий человек, брат старого большевика Владимира Ивановича Невского. Он был мне лично знаком.

Непосредственный начальник Бокия Урицкий, по словам Глеба, был человек исключительно справедливый, ставший жертвой бессмысленно-жестокое убийства. Глеб говорил мне о нем:

- За что его убили? Он ни разу не подписал ни одной бумаги о высшей мере наказания - расстреле.

Он не говорил мне о том, как и много ли подписывал смертных приговоров сам, и я умышленно, из деликатности, не спрашивала, особенно после того, как у нас был разговор о присутствии при расстрелах по приговору ЧЕКА.

Я тогда, помню, спросила:

- Скажи, где это происходит? В здании или где-нибудь за городом?

Разговор шел уже в Москве, где ЧЕКА помещалась на Лубянке. Он отвечал:

- В здании.

- Скажи, и ты... ты бываешь на них?

Он смотрел мне прямо в глаза, не пряча взгляда. Мне вспомнились рассказы товарищей о его жестокости, проявлявшейся к полицейским агентам и шпикам. Голос его звучал твердо:

- Я присутствую при расстрелах для того, чтобы работающие рука об руку со мною не смогли бы говорить обо мне, что я, подписывающий приговоры, уклоняюсь от присутствия при их исполнении, поручая дело другим, и затыкаю ватой уши, чтобы не расстраивать нервы.

...По моим наблюдениям, жесток он не был и если взял на себя тяжелую обязанность защиты Революции, то только потому, что чувствовал себя способным выполнить эту трудную и важную работу.

Недаром же он так высоко ценил и глубоко любил Дзержинского, этого «рыцаря Революции», смерть которого он воспринял, как личное горе. Дочь Бокия рассказывала, что видела отца плачущим еще только один раз, когда скончался Владимир Ильич.

...Глеб Бокий очень любил детей и животных. Он был нежным отцом, особенно же любил свою старшую дочь Леночку.

Помню ее маленькой восьмилетней девочкой, такой же красивой, и такой же упрямой, как отец, и с таким же любящим, доступным жалости ко всему слабому сердцем. Помню, как заботилась она о сестренке, маленькой Оксане, которой тогда было не больше двух-трех лет. Впоследствии, когда сестра тяжело болела, Леночка самоотверженно ухаживала за ней.

Бокий, сильно привязанный к Леночке, не расставался с ней и во время работы. Она ему помогала. Он научил ее писать на машинке, и она выстукивала пропуска, мелкие распоряжения, а попутно слушала доклады и разборы разных дел, мнения об арестованных, проекты и решения. Она имела свое понятие об отношениях отца к тому или иному товарищу; от нее не укрывалась ни одна неприятность, ни одна трагедия, происходившая при свидании отца с родственниками арестованных. С детских лет постигая своею психологию судей ЧЕКА и обвиняемых, девочка выросла волчонком, недоверчивым и замкнутым. Умная не по возрасту, она в сущности была лишена радости детства, ребяческой беззаботности.

Когда убили Урицкого, Глеб Бокий остался вершить дела ЧЕКА в Петрокоммуне.

5. Он появляется в Москве

Появился Глеб Иванович на моем горизонте неожиданно, в 19-м году. Телефонный звонок, и я услышала знакомый голос:

- Я на вокзале. Пробуду несколько часов в Москве. Звони в Кремль Свердлову, чтобы скорее прислал за мной машину. Заеду и к тебе.

В то время в Москве транспорт не был налажен. Я позвонила в Кремль и попросила машину. В конце дня Глеб приехал ко мне.

Он торопился, говорил мало. Спрашивал кое-какие адреса и сказал, что скоро переедет в Москву совсем. В тот же день он выехал обратно в Петроград.

А скоро его действительно перевели в Москву. В Петрокоммуне, в ЧЕКА, его заменили Еленой Дмитриевной Стасовой⁹ и Яковлевой. Глеб стал работать непосредственно под руководством Ф.Э. Держинского.

Мы виделись редко; он был слишком занят. Впрочем, я бывала иногда у него в номере Националя, видела его нескладную, неуютную жизнь занятого человека и двух детей, связанных нежной трогательной любовью друг к другу, причем старшая заменяла маленькой мать. Жена Бокия обычно была занята своими делами, кроме того, она слишком любила удовольствия жизни.

Глеб увлекался простотою привычек и самодеятельностью в быту, пропагандируемой романом «Робинзон Крузо». Он ходил в старой холодной шинели и в мягких рубашках и блузах, как в старые студенческие годы. В углу его номера помещался стол с сапожными инструментами. Он сам починая свои сапоги, чинил башмачонки детям и твердил, что стыдно искать для починки обуви сапожника, когда можно легко обслуживать свою семью самому, нужно лишь под рукою иметь резину, а достать ее можно без затруднения, так как в учреждениях есть старые автомобильные шины, вполне пригодные для подошвы. Позднее он узнал отрицательную сторону такой починки и теперь уже отговаривал каждого от резиновых подошв:

- Надо знать, что резина не только вызывает испарину и оттого вредна, но еще мешает приземлению.

Приземление, притяжение земли, - это ему внушал некто профессор Барченко, которого он в то время считал великим ученым, слушал его, как оракула, и называл почтительно «всеведающим колдуном».

...Но прежде, чем рассказать о деятельности профессора Барченко и значении этого «колдуна» в жизни Бокия, хочется вернуться назад и вспомнить один эпизод. Это было в начале его работы в Москве, когда он уберег меня от встреч с человеком, кото-

рые могли быть чреваты для меня большими неприятностями.

Это был еще очень молодой человек и работал он в Смольном. Он был одним из помощников секретаря Владимира Ильича. В «Солдатской правде» его прозвали «Удодом» за птичью наружность и птичьи звуки, которые он выпускал на скрипке, уверяя, что хорошо владеет этим инструментом. Впрочем, «домами» мы были незнакомы, а в Смольном не входили в программу рабочего дня концерты, и, хотя у него там оказалась скрипка, он не решался похвастаться перед нами своей игрой.

Был он странной наружности и казался нам смелым и веселым, со своею комической внешностью при малом росте и невероятной худобе. Хохол бесцветных волос, очки на курносом носу, огромный птичий рот и подсакивающая походка тонких ног в крагах довершали птичий образ. Он все хотел нам устроить концерт с игрою на скрипке и говорил об этом весьма важно, как и о своей деятельности «при Владимире Ильиче», которая, в сущности, сводилась к тому, что он был на побегушках.

Когда мы уехали в Москву, «Удод» остался в Петрограде работать в Смольном, и мы очень удивились, когда увидели его в Москве, в Метрополе. Он заявился прямо-хонько ко мне и к моей помощнице Анке Рубинштейн и сказал, что приехал на разведки, а скоро совсем переберется в новую столицу. Но во время приезда надо, чтобы друзья его покормили. Где ему самому добыть пищу в незнакомом городе?

- Завтракал я сегодня у Стеклова,¹⁰ - важно говорил «Удод». - Отличный завтрак и большое радушие. А обедом накормите меня вы.

Это было сказано тоном приказа.

Мы торопились в редакцию, и он вышел с нами. Шагая по тротуару и развязно, с мальчишеским задором разговаривая, он сравнивал с шумной Москвой ставший как-то провинциальным городом Петроград. Казалось, ему хочется, чтобы мы обрушились на Москву...

Не дошли мы еще до угла, как я увидели переходящего улицу Глеба.

- Бокий, - пролепетал «Удод» каким-то испуганным голосом и остановился. Я видела, как Глеб сделал ему знак, и он ретировался даже не попрощавшись. Глеб отвел меня в сторону. У него было очень недовольное лицо.

- Ты с ума сошла! - пробормотал он так тихо, чтобы не слышала Анка. - С кем ты беседуешь?

- С «Удодом». Мы в Смольном постоянно виделись, и он нас смешил своими ухватками и...

- Он тебя бы очень здорово насмешил, да и твою подругу тоже, если бы я вас не встретил. Ты ведь не знаешь, очевидно, что он у нас служит...

- Он мне не сказал, что бывает у вас, Глеб...

- Еще бы он тебе сказал! Да он у нас и не бывает, - мы не пускаем его на порог, получая от него донесения на нейтральной почве. Эти донесения, правда, мы подвергаем проверке, но не всегда наши товарищи так проверяют, как нужно, и во всяком случае проверка бывает частенько долгой канителью. Если бы ему захотелось отличиться и он бы наболтал про тебя всякий вздор, переиначил твои слова, ты могла бы подвергнуться аресту, и могло пройти много времени прежде, чем я узнал, что с тобой случилось. Пожалуйста, не принимай у себя больше этого «Удоды».

«Удод» и сам больше не показывался у меня в номере Метрополя.

...Через год с небольшим Глеб удивил меня еще больше, чем в момент встречи с «Удодом». Своим приходом он задал мне задачу. Он точно рассказал сказку из «Тысячи и одной ночи».

Сию я мирно в своем номере и читаю. В воскресенье только и почитать. Вдруг знакомый торопливый стук в дверь. Через несколько секунд входит Глеб, односложно здоровается и ставит к стенке шкафа туго набитый портфель. Потом так же односложно говорит:

- Запри на ключ дверь. Выключи телефон и слушай. Смотри и слушай.

После этого таинственного начала он раскрывает передо мною большой альбом

и указывает на акварель, изображающую ветку с розой.

- Видишь?

- Вижу. Что это и к чему ты мне показываешь?

- Это роза Розенцвейга.

- Ага! Масонская роза.

- А ты разве знаешь?

- Как мне не знать символа масонов, ведь я много лет занималась историей, и дед мой, со стороны матери, Николай Николаевич Толстой, был масоном, как и многие декабристы.¹¹ После смерти матери я нашла у нее дедовский масонский знак.

- Вот как! А я и не знал... Многое ли тебе известно об этом тайном обществе?

- Конечно, да разве это такой секрет? Я тебе говорю, что, в связи с историей, я интересовалась и масонством. Приехав в Москву, я даже купила здесь на развале Сухаревки два тома с заглавием «Тайные общества». Перевод с немецкого. Могу тебе дать. Вот посмотри.

И протягиваю ему взятые с полки книги.

- А вот, Глеб, еще кое-что интересное в этом же духе. Ты знаешь издание Сытина «Великая реформа»? Там имеется необходимый для меня материал о русских крепостных художниках XIX века. Историк В.И. Семевский¹² ими занимался и, в связи с исследованием эпохи, дал описание движения русского масонства с приложением списка сочинений масонов.

- У тебя есть список?

- Ну, конечно.

- Дай мне его.

- Хорошо, только верни, чтобы мне не составлять нового.

Я не сказала ему, что читала бульварную книгу, случайно попавшуюся мне: «Сатанисты» Шабельской. Фабула и идея этого бульварного романа представляли нечто бредовое. Страшные приключения с принесением человеческих жертв тайным обществом масонов. Может быть, и к месту было бы рассказать об этом, когда он мне неожиданно заявил:

- Ты знаешь, старые масоны были организацией социальной, высокого порядка, близкой к нашему коммунизму, но

потом они выродились в новое масонство, врагов наших, которое мирно распространяется за границей и старается подорвать нашу работу.

Я подумала: «Наверно, он знает и о книжке Шабельской «Сатанисты».

Но он ничего не сказал о «Сатанистах», неожиданно заговорил о России:

- В России еще в давние времена существовали корни коммунизма, и они гармонично, хотя и странно, переплетались с масонством. Я недавно узнал, что в одной деревне Костромской губернии жил крестьянин, по имени Михаил, имевший громадное влияние на окружающих. Проповеди его о праведном житье людей, собранных в деревнях и в городах в одно целое общество, слушали окрестные мужики и верили ему. Он проповедовал учение, сохранившееся с былых времен и долетевшее до России, - учение, во многом совпадавшее с масонством. Жаль, что он умер. Постой, у тебя что-то в глазах... какое-то недоверие. Я тебе сейчас скажу все - ведь до конца я не дошел. У этого Михаила был ученик, который теперь появился в Москве. Он очень странного вида. Одни считают его помешанным, другие - жуликом. Ходит он зимою босым, носит вериги и одевается как-то по-шутовски, под блаженного. Надевает на голову бумажную корону, а в руках несет какое-то «зерцало» - ширмы, с самодельно обклеенными бортами и зеркалами, с надписями-цитатами. И говорит виршами, рифмованно, часто как будто чепуху. Его фамилия Круглов...

Я вскочила, взволнованная: - Знаю! Знаю! Я его видела и гонялась за ним, чтобы записать вирши, которое мне пригодятся для задуманного нового романа из истории декабристов...

- Где ты его видела?

- У Дурова. Ты ведь знаешь, что я наблюдаю у него животных и пишу по его рассказам их историю. Он мне как раз и указывал на Круглова, как на пример, который может объяснить историю, составившую легенды о мучениках римских цирков. Возможно, говорит Дуров, что звери не трогали христиан на арене цирка потому, что они, не

обращая на зверей внимания, смотрели вверх и молились. Животные не боятся тех, кто не смотрит им в глаза, не обращает на них внимания, а у Круглова как раз рассеянный взгляд. Дуров говорит, что и я хорошо лажу со зверями и могу даже ласкать в клетке гепарда потому, что у меня несколько косят глаза. Дуров делает опыты над «блаженным» Кругловым с обезьянами, а я - со словами...

Глеб закивал головою:

- А я сделал опыт над ним, прошупываю его масонство. Мы арестовали Круглова, чтобы исследовать его мышление. Я искал в нем мудрости костромского Михаила, но ошибся: никакой в нем мудрости нет, и я отпустил его со всеми зеркалами и короной к твоему Дурову. Нет, шамбала ускользает от меня, как мираж...

Я удивилась:

- Шамбала? Какая шамбала?

- Ах, ты не знаешь... Это слово мудрости древней, от которой остались корни в масонстве. И если тебе когда-нибудь попадется где-либо это название горы, реки, деревни, поляны, знай, что здесь в древности исповедовали эту великую мудрость.

Мне стало смешно:

- Глеб, - сказала я, - ты или надо мной смеешься, или тебя кто-то морочит. Скажу тебе: у нас в деревне жил старик и весьма дурашный, сапожник; его звали Шамбал. Значит, он был хранителем древней мудрости?

- Если ты знаешь, что он был дурашный, то прозвище Шамбал он мог получить от старинного «шандала» - подсвечника...

Он говорил серьезно и был, видимо, огорчен. Мне стало его жаль.

- Ах, «Шамбала»... - вспомнила я и пояснила, чтобы его утешить:

- Я совсем забыла об одной интересной книге, прочитанной мною не так давно. Книга переводная, автора забыла, заглавие «Присцилла из Александрии». В ней очень ярко выведены разные народности, разные религии и разные общественные классы, существовавшие в первые века христианства. Разгром Александрийской библиотеки, ученая Ипатия, еврейство, египетские жрецы, философы Греции - полнейшая сумятица в понятиях разных каст

и обществ. В этой книге упоминается место, где было сосредоточие правды и мудрости, под названием Шамбала.

Мой гость оживился:

- Это очень интересно. Надо познакомиться непременно...

- Но скажи, Глеб, откуда у тебя этот интерес?

- От Барченко.

- От Барченко? Что это еще за Барченко?

- Это большого ума и таланта человек, философ и ученый, который у нас при ГПУ организовал кружок; мы знакомимся там со многими научными открытиями и жалеем, что не знали раньше этого замечательного человека.

- Но откуда он явился?

Глеб встал. Он всегда так делал, когда не хотел отвечать на какой-нибудь вопрос.

- Ну, об этом сейчас не время говорить.

- И посмотрев на часы: - Мне давно пора. Прощай. Поговорим в другой раз. А список масонов и книги о тайных обществах дай; я верну аккуратно и то, и другое.

...В Метрополе был клуб «Титан». Возле него собирались жильцы гостиницы с чайниками и кувшинами, чтобы набрать кипятку для очередного чаепития, и в очереди шли

всякие разговоры. У «Титана» я встречала очень часто интересного человека, пользовавшегося всеобщим уважением, - старого революционера доктора Вечеслова. Он знал многих ученых, и я спросила, не знает ли он Барченко.

Вечеслов, очень искренний и нервный, поморщился. На лице его выразилась гадливость:

- Как же не знать этого проходимца! Подозрительный тип с темным прошлым, которого Глеб Иванович Бокий вызволил из-под ареста. Теперь он морочит головы всем в ГПУ. Придумал научный кружок и открывает фантастические истины. Примером может служить одна история: когда-то Барченко утверждал, что у нас на Кольском полуострове пролежала великая Римская дорога и в доказательство представил фотоснимок. Фотоснимок, но не негатив, говоря, что он потерял... Этим все сказано. Дико, что Бокий, такой пронизательный и умный, не видит, с кем имеет дело...

Кто мог думать, что этот Барченко с его темным прошлым сыграет такую роковую роль в жизни моего друга, «пронизательного» Глеба Бокия, славившегося еще со студенческих лет умением распознавать царских провокаторов?!

Примечания

1. Бокий Глеб Иванович (1879-1937 гг.) - советский государственный и партийный деятель, член Коммунистической партии с 1900 г. Учился в Петербургском горном институте, как и брат Борис Иванович Бокий, ставший видным ученым в области горного дела. Глеб Иванович был членом Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (с 1897 г.). В 1904 г. член ЦК РСДРП, участник революции 1905-1907 гг. В марте 1917 г. член Русского бюро ЦК РСДРП(б), делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). В Октябре 1917 г. член Петроградского ВРК, ВЦИК. В феврале-марте 1918 г. член Комитета революционной обороны Петрограда. С марта 1918 г. зам. председателя, в августе 1918 - ноябре 1919 гг. председатель ЧК Союза коммун Северной области, с 1919 г. в органах ВЧК на фронтах. С 1921 г. член коллегий ВЧК-ОГПУ-НКВД. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

2. Особняк Кшесинской - здание в Петербурге, принадлежавшее до Февральской революции 1917 г. балерине М.Ф. Кшесинской, фаворитке императора Николая II. В марте-июле 1917 г. здесь помещался ЦК и Петербургский комитет РСДРП(б). В 1957 г. в здании разместился Музей Октябрьской революции (ныне Государственный музей политической истории России).

3. Подвойский Николай Ильич (1880-1948 гг.) - советский партийный и военный деятель, член Коммунистической партии с 1901 г. Участник революционного движения с 1898 г., участник создания Иваново-Вознесенского Совета в 1905 г., газеты «Правда». В 1917 г. председатель Всероссийского бюро военных организаций при ЦК партии, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, председатель Петроградского ВРК. С 1918 г. участвовал в создании Красной Армии, член РВС Республики, нарком по военным и морским делам УССР. В 1919-1927 гг. начальник Всевобуча и ЧОН, председатель Спортинтерна, затем на советской и партийной работе. Член ЦКК партии в 1929-1930 гг. Член ВЦИК.

4. Багдатьян Сергей Яковлевич (настоящие фамилия и имя - Багдатьян Саркис Гайкович) (1887-1949 гг.). Участник российского революционного движения, член Коммунистической партии с 1903 г. участник Октябрьской революции, затем на партийной и хозяйственной работе.

5. «Солдатская правда» - ежедневная газета, выходила с 15(28) апреля 1917 г. по март 1918 г. С № 1 орган Военной организации при Петербургском комитете, с № 26 - при ЦК РСДРП(б). В июле 1917 г. закрыта властями, выходила год названием «Рабочий и солдат», с 27 октября (9 ноября) 1917 г. прежнее название. Всего вышло 158 номеров.

6. «Деревенская беднота» - ежедневная крестьянская газета, орган Военной организации при ЦК РСДРП(б) и большевистской фракции 2-го Всероссийского съезда Советов. Издавалась в Петрограде с 12(25) октября 1917 г. по 6 марта 1918 г., всего вышло 107 номеров. В марте 1918 г. объединена с другими газетами в газету «Беднота».

7. Петрокоммуна (с сентября 1920 г. - Петрогубкоммуна) - Петроградская потребительская коммуна, созданная в сентябре 1919 г. по декрету СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах», была зачатком кооперативного строительства в условиях «военного коммунизма». Руководящий орган - Правление (председатель А.Е. Бадаев, с июля 1920 г. А.С. Куклин). В отличие от других потребительских обществ РСФСР, Петрокоммуна объединяла аппараты государственных и кооперативных организаций, ведала заготовкой и распределением продуктов питания и предметов первой необходимости в Петрограде и губернии. Существовала до лета 1921 г.

Ал. Алтаев, употребляя название «Петрокоммуна», скорее всего, имела в виду «Союз коммун Северной области», т.е. областное объединение Советов, образованное в мае 1918 г. после переезда центральных и партийных и советских органов в Москву. Руководящие органы СКСО находились в Смольном и руководили жизнью восьми северных и северо-западных губерний, объединившихся в Северную область. В феврале 1919 г. упразднено.

8. Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918 гг.) - революционный деятель, член Коммунистической партии с июля 1917 г. Окончил юридический факультет Киевского университета, участник революции 1905-1907 гг. В 1917 г. член Петроградского ВРК и военно-революционного партийного центра, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. С ноября 1917 г. член коллегии НКВД, в феврале 1918 г. возглавил штаб Комитета революционной обороны Петрограда. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК и одновременно с апреля нарком внутренних дел Северной области. 30 августа 1918 г. убит в вестибюле здания главного штаба эсером А.Л. Канегиссером. Похоронен на Марсовом поле.

9. Стасова Елена Дмитриевна (1873-1966 гг.), деятель революционного движения, член Коммунистической партии с 1898 г., член Петербургского «Союза борьбы». В 1904-1906 гг. секретарь Северного бюро ЦК, ПК, Русского бюро ЦК РСДРП. После Февральской революции секретарь ЦК партии (до 1920 г.), делегат VI съезда, в дни Октябрьского вооруженного восстания руководила выпуском информационного бюллетеня ЦК РСДРП(б). В 1918 г. член Президиума Петроградской ЧК, член и секретарь Петроградского бюро ЦК, в 1918-1920 гг. член ЦК РКП(б). В 1920-21 гг. зав. орготделом Петроградского комитета РКП(б), затем на партийной, общественной и литературной работе. Член ЦКК ВКП(б) в 1930-34 гг. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

10. Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873-1941 гг.) - революционный деятель, публицист, член Коммунистической партии с 1893 г. В 1917 г. член исполкома Петроградского Совета, с 1917 г. редактор «Известий» и др. изданий. Автор ряда трудов о марксизме и истории революционного движения. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

11. Массонство (в переводе с французского – «вольный каменщик») - религиозно-этическое движение, возникло в конце XVIII в. в Великобритании, распространилось (в буржуазных и дворянских кругах) во многих странах, в том числе в России. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы масонами от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков, отчасти от средневековых рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную организацию с утопической целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе. Наибольшую роль масонство играло в XVIII - начале XIX вв., с ним связаны как консервативные, так и прогрессивные общественные движения. В России оно становится внушительной политической силой в период между 1907-1917 гг.: масонские ложи были созданы в Государственной думе, в научных, творческих, предпринимательских, земских и кооперативных организациях, среди военных и журналистов. Масонство объединяло представителей различных политических партий - от умеренных до крайне левых. Масонами были октябристы А. Гучков и Г. Львов, кадеты В. Маклаков, А. Шингарев, Н. Некрасов, прогрессист А. Коновалов, лидер трудовиков А. Керенский, меньшевики Н. Чхеидзе и М. Скобелев, большевики И.И. Скворцов-Степанов и С. Середя и др. Ложи имелись не только в Петрограде и Москве, но и в Киеве, Самаре, Саратове, Тифлисе и др.

12. Семевский Василий Иванович (1848-1916 гг.) - русский историк народнической ориентации, один из создателей партии народных социалистов (энесов) и член ее ЦК. Основатель и издатель журнала «Голос минувшего». Автор трудов по истории крестьянства XVIII-XIX вв., декабристов и петрашевцев.

(Окончание следует)